

НАСЛЕДИЕ • HERITAGE

Статья • Article

Ю. А. Сафронова

«Тетрадь эта была назначена для записи из прочитанного...»: фрагменты читательского дневника А. Я. Юшиной, 1875–1876 гг.

Аннотация. Источники личного происхождения традиционно служат основой для исследований читателей второй половины XIX в., однако среди них редки тексты, в которых чтение составляет основное содержание записей. Публикация фрагментов читательского дневника вологжанки А. Я. Юшиной, который она вела в 1875–1876 гг., готовясь к поступлению на Высшие женские курсы, восполняет эту лакуну. В дневнике была зафиксирована сложная работа над разбором художественных и публицистических произведений, а также сомнения молодой читательницы из губернского города в собственной способности «правильно» понять прочитанное. Основной целью ведения дневника было самообразование и воспитание себя по образцу людей «нового типа», которым посвящено большинство записей. Поскольку дневник был изъят в ходе расследования дела об участниках Казанской демонстрации 1876 г., он содержит комментарии, написанные со слов самой Юшиной, о происхождении фрагментов, определенных прокурором Московской судебной палаты как свидетельства «политической неблагонадежности» его хозяйки. Таким образом, мы имеем дело с уникальным документом, позволяющим проникнуть в читательский мир представительницы поколения 1870-х гг. Дополнительную ценность ему придает факт последующего осмысления читательницей собственных записей, пусть даже по принуждению следователя.

Ключевые слова: практики чтения, поколение 1870-х гг., читательский дневник, революционное народничество, Д. И. Писарев

Для цитирования: Сафронова Ю. А. «Тетрадь эта была назначена для записи из прочитанного...»: фрагменты читательского дневника А. Я. Юшиной, 1875–1876 гг. // Книга. Чтение. Медиасреда. 2024. Т. 2, № 2. С. 136–142. <https://doi.org/10.20913/BRM-2-2-7>.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024

Получена после доработки 08.04.2024

Принята для публикации 15.09.2024

Сафронова Юлия Александровна

Европейский университет в Санкт-Петербурге,
ул. Гагаринская, 6/1, Санкт-Петербург, 191187, Россия,
кандидат исторических наук, доцент факультета истории
ORCID: 0000-0003-3900-1994
e-mail: jsafronova@eu.spb.ru

© Ю. А. Сафронова, 2024

Yu. A. Safronova

“This Notebook was Assigned to Record from What I Read...”: Fragments of A. Y. Yushina’s Reading Diary, 1875–1876

Safronova Yuliya A.

European University at Saint Petersburg,
Gagarinskaya str., 6/1, Saint Petersburg, 191187, Russia,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Faculty of History
ORCID: 0000-0003-3900-1994
e-mail: jsafronova@eu.spb.ru

Abstract. Sources of personal origin traditionally serve as a basis for studying readers of the second half of the 19th century. However, among them are rare texts in which reading is the main content of the records. The publication of fragments from the reading diary of the Vologda resident A. Y. Yushina, which she kept in 1875–1876 while preparing to enter the Higher Women’s Courses, fills this gap. The diary fixed the difficult work for reviewing of fiction and journalistic works, as well as the doubts of a young reader from a provincial town in her own ability to ‘properly’ understand what she read. The main purpose of keeping the diary was self-education and educating herself along the lines of the ‘new type’ of people to whom most of the entries are dedicated. Since the diary was seized during the investigation of the case of the participants in the Kazan demonstration of 1876, it contains comments, written in Yushina’s own words, on the origin of the fragments identified by the prosecutor of the Moscow Court Chamber as evidence of the ‘political unreliability’ of its owner. Thus, we are dealing with a unique document that allows us to penetrate into the reading world of a representative of the generation of the 1870s. The fact that the reader later comprehended her own notes, even if forced by the investigator, adds value to it.

Keywords: reading practices, generation of the 1870s, reader’s diary, revolutionary populism, D. I. Pisarev

Citation: Safronova Yu. A. “This Notebook was Assigned to Record from What I Read...”: Fragments of A. Y. Yushina’s Reading Diary, 1875–1876 // Book. Reading. Media. 2024. Vol. 2, No. 2. P. 136–142. <https://doi.org/10.20913/BRM-2-2-7>.

Received 29.03.2024

Revised 08.04.2024

Accepted 15.09.2024

Документ, названный прокурором Московской палаты «переплетенная тетрадь № 5», был изъят у слушательницы Высших медицинских женских курсов при Санкт-Петербургской медико-хирургической академии А. Я. Юшиной, арестованной в декабре 1876 г. в связи с участием в Казанской демонстрации 6 декабря 1876 г. Прокурор Московской судебной палаты сделал перечисление типов записей в ней: «ученические заметки», «отзывы о прочитанных книгах», «выписки из них», «отрывочно веденный дневник»¹. Наличие в начале тетради списков книг для чтения, включающих вычеркнутые позиции, отметки «читала», а также рефлексия автора по поводу стиля ведения записей о книгах позволяет утверждать, что первоначально тетрадь должна была служить в качестве читательского дневника (Сафронова, 2022), который постепенно трансформировался в личный дневник, вопреки намерениям своей хозяйки (Rubtsov, 2021).

¹ Рапорт прокурора Московской судебной палаты, 26 мая 1877 // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7155. Л. 4–4 об.

Аполлинария Яковлевна Юшина, дочь вологодского купца 2-й гильдии Я. Я. Юшина, родилась в 1856 г. в Вологде². Она училась в местной женской гимназии, но была вынуждена выйти из выпускного класса «по какой-то неприятности с одним из учителей»³. После этого девушка в течение года готовилась к поступлению на Высшие женские курсы и в сентябре 1876 г. уехала в Петербург. В октябре 1875 г. репетитором в дом Юшиных был нанят ученик IV класса Вологодской духовной семинарии Матвей Никанорович Глубоковский⁴. Хотя на допросах Глубоковский утверждал, что занимался с Юшиной математикой, как из личных

² Деятели революционного движения в России: от предшественников декабристов до падения царизма: библиогр. слов. Т. 2: Семидесятые годы, вып. 4. Москва: Изд-во Всесоюз. о-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. Стб. 1393–2156.

³ Рапорт прокурора Московской судебной палаты, 26 мая 1877 // РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7155. Л. 15.

⁴ Отчет члена-ревизора учебного комитета при Святейшем Синоде Керского о ревизии Вологодской духовной семинарии в 1875/76 учебном году // РГИА. Ф. 802. Оп. 17. Д. 46. Л. 136 об.

записей девушки, так и из их позднейшей переписки становится ясно, что оба они входили в круг вологодской радикальной молодежи и обсуждали запрещенных авторов, например, Ф. Лассалю⁵. Глубоковский был отнюдь не первым семинаристом в окружении Юшиной. Исходя из ее показаний, в 1872 или 1873 г. выпускник Вологодской семинарии Николай Монастырев, уехавший учиться в Технологический институт в Петербурге, прислал Юшиной фотографические карточки писателей и актрис, добавив от себя портрет Емельяна Пугачёва. Примечательно, что на обороте Монастырев сделал надпись: «атаман Разин, приволжский казак, борец за свободу и права простого народа»⁶. Эта путаница довольно показательна, но важнее то, что студент столичного учебного заведения считал необходимым между делом просвещать оставшуюся в Вологде знакомую гимназистку.

Первая запись в тетради А. Я. Юшиной, посвященная разбору романа И. С. Тургенева «Накануне», датирована «12 февраля 1875 г. 11 ч. 10 мин. вечера»⁷, что указывает на первоначальное намерение читательницы подробно регистрировать время работы над дневником. К сожалению, этот план, как и в целом намерения по организации работы над собой, в дальнейшем не были реализованы. Следующее указание даты появляется только через восемь месяцев: «В воскресенье в конце сентября я прочла в библиотеке...». Остальные датированные записи относятся к личным, хотя часть из них содержит рефлексию по поводу неспособности «правильно» читать. Также в тетради есть попытка зафиксировать в хронологическом порядке прочитанные в 1875 г. книги, но по каким-то причинам этот список ограничен только сентябрем. Под этим месяцем читательница указала роман П. Хейзе «Дети Света», очерк Ф. М. Решетникова «Подлиповцы», повесть В. Г. Старостина «Похождения семинариста Хлопова» и статью Д. И. Писарева «Новый тип»⁸. Всего дневник содержит записи о шестнадцати художественных произведениях, семи публицистических статьях, а также очень короткую заметку о книге Ч. Дарвина, названную ею «О происхождении человека»⁹. Только последнюю можно

отнести к категории научной литературы. Кроме того, гимназистка читала в газете протокол судебного процесса выпускников Вологодской духовной семинарии В. М. Дьякова и А. И. Сирыкова, слушавшегося летом 1875 г.¹⁰

Книги и журналы А. Я. Юшина, скорее всего, брала в частной библиотеке Н. В. Дорохова, так как в показаниях указала ее как источник выявленных прокурором цитат из нелегальной литературы. По словам читательницы, они были списаны «с почтового листка, попавшегося ей случайно в одной из книг, взятых в начале 1875 года в библиотеке для чтения Дорохова»¹¹. Анализ каталога подтверждает предположение, что именно библиотека служила основным источником литературы для передовой вологодской молодежи. Так, в нем содержится издание романа Хейзе 1874 г. под заглавием «Дети света»¹², тогда как в первом издании на русском языке 1873 г. роман назывался «Дети века». Статью Д. И. Писарева, судя по содержанию записи, Юшина читала непосредственно в № 10 за 1865 г. журнала «Русское слово», а не в 4-м томе собрания сочинений под редакцией Ф. Ф. Павленкова, где та была опубликована под названием «Мыслящий пролетариат»¹³.

Этнографический очерк Ф. М. Решетникова девушка могла прочитать в журнале «Современник», комплекты которого за 1864 г. были в библиотеке, в отличие от книги 1867 г., отсутствующей в каталоге. Наконец, повесть Г. И. Старостина была доступна читательнице в №№ 4–6 журнала «Дело» за 1871 г.

В ходе расследования дела Юшиной прокурором Московской судебной палаты в тетради карандашом были отмечены записи, подтверждавшие «политическую неблагонадежность» девушки. При этом были не только идентифицированы выписки из запрещенной литературы («Хитрая механика», «Отщепенцы» Н. В. Соколова), но и проанализированы суждения о произведениях, разрешенных цензурой, например, о «Подлиповцах». В тетрадь были вклеены закладки с фиксацией, со слов Юшиной, происхождения сомнительных фрагментов: были это «выписки» или собственные «рассуждения» читательницы. Более подробный комментарий к этим фрагментам был дан в рапорте прокурора Московской судебной

⁵ Глубоковский М. Н. – Юшиной А. Я., 6 декабря 1876 // РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 108. Л. 33.

⁶ Рапорт прокурора Московской судебной палаты, 26 мая 1877 // РГИА. 1405. Оп. 75. Д. 7155. Л. 7. [О дочери купца А. Юшиной].

⁷ Тетрадь № 5 // РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 108. Л. 40.

⁸ Там же. Л. 123.

⁹ По-видимому, речь идет об издании «Происхождение человека и подбор по отношению к полу» (1874), которое значится в каталоге библиотеки Дорохова (Каталог книг и периодических изданий «Библиотеки и кабинета для чтения» Н. В. Дорохова в Вологде. Вологда, 1878. С. 62).

¹⁰ Подробно о деле В. М. Дьякова см.: Михайлов Б. Г. Новое о кружке В. М. Дьякова и А. И. Сирыкова // Освободительное движение в России. Саратов, 1977. Вып. 6. С. 61–79.

¹¹ Рапорт прокурора Московской судебной палаты, 26 мая 1877 // РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7155. Л. 5 об.

¹² Каталог книг и периодических изданий «Библиотеки и кабинета для чтения» Н. В. Дорохова в Вологде. Вологда, 1878. С. 84.

¹³ Писарев Д. И. Сочинения Д. И. Писарева. Ч. 4. Санкт-Петербург: Изд. Ф. Павленкова, 1867. 230 с.

палаты. В частности, по поводу записи «о тяжелой доле простого народа» в связи с прочтением очерков Ф. М. Решетникова Юшина сообщила, что это «ее собственная» заметка¹⁴.

Таким образом, мы имеем дело с уникальным документом, позволяющим проникнуть в читательский мир представительницы поколения 1870-х гг., в котором записи о чтении соседствуют с впечатлениями о политическом процессе вологодских семинаристов. Дополнительную ценность ему придает факт последующего осмысления читательницей собственных записей, пусть даже по принуждению следователя. Очевидно уклончивые показания о чтении тенденциозной литературы дают возможность задать вопрос о понимании границ легального у представителей этого поколения.

В статье мы публикуем четыре записи¹⁵ о текстах, прочитанных Юшиной в сентябре 1875 г. Вместе они составляют набор литературы, типичный для проекта самообразовательного поколения 1870-х гг. В нем представлены очерки о страданиях простого народа («Подлиповцы»), иронический текст о выпускнике «прежней» Вологодской семинарии, которого читательница могла сравнить со знакомыми ей семинаристами («Похождения семинариста Хлопова») и публицистическая статья Д. И. Писарева, посвященная роману

Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Роман немецкого писателя П. Хейзе мог служить еще одним примером описания «нового типа» людей, выделенных Писаревым в статье, так как в качестве протагонистов в нем были представлены персонажи, выбиравшие науку, честный труд, а также реализующие проекты по изменению жизни простых рабочих¹⁶.

В публикации сохранены вычеркнутые фрагменты (они заключены в угловые скобки), так как позволяют увидеть работу читательницы над анализом текстов. Вместе с тем текст приведен в соответствие с современными орфографией и пунктуацией, за исключением особо оговоренных случаев.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00520 <<https://rscf.ru/project/23-18-00520/>>.

Список источников / References

Сафронова Ю. А. Читательский дневник «настоящего человека»: практики чтения поколения 1870-х годов // Новое литературное обозрение. 2022. № 5. С. 58–71 [Safronova JuA (2022) A reading journal of a "real person": the reading practices of the 1870s generation. *Novoe literaturnoe obozrenie* 5: 58–71. (In Russ.)]. DOI: https://doi.org/10.53953/08696365_2022_177_5_58.

Rubtsov A (2021) La construction du sujet politique dans l'Empire russe des années 1870: le journal personnel d'Apollinarija Jušina. *Revue des études slaves* 92 (1): 57–69. DOI: <https://doi.org/10.4000/res.4129>.

¹⁴ Рапорт прокурора Московской судебной палаты, 26 мая 1877 // РГИА. Ф. 1405. Оп. 74. Д. 7155. Л. 5 об.

¹⁵ Тетрадь № 5 // РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 108. Л. 51 об. – 53, 54 об. – 65а, 120 об. – 122 об, 123 об. – 124 об.

¹⁶ Хейзе П. Дети века. Т. 1–2. Санкт-Петербург : тип. Ф. С. Сущинского, 1873.

Приложение

А. Я. Юшина

«Переплетенная тетрадь № 5»

«Дети Света» сочин[ение] Гейзе, с немецк[ого]

Автор вывел на сцену <два> остатка старого поколения <отжившее> и отчасти <и> новое <во всей его полноте>, хотя он, нельзя сказать, чтобы познакомил нас подробно, а всё указал некоторые черты. Показал он, что вера в истинного Бога держится только в остатках старого поколения, вера в судьбу также, но что есть некоторые из старых, эксплуатируют (так! – Ю. С.) веру, как доктор Н., который выдавал себя за самого ревностного защитника всего святого, в сущности, мало чему верил, а играл такую пустую роль из одного глупого тщеславия. Чтобы нам было яснее, для этого автор вывел на сцену так называемое новое поколение, у которого нет ничего святого, кроме науки и истины. <Это выведено> Но между ними есть и такие, которые являются исключениями из этого правила, это дети большого света.

Доказано, что наслаждаются счастьем одни <только> те, которые работают физически и умственно и постоянно стремятся обогатить укрепить свой ум различными познаниями и здоровыми рассуждениями. А те из нового поколения, которые стремятся тем или другим путем к достижению материального обогащения как средства к мишурному блеску, к умственной лжи, потому что богатые редко занимаются решением мировых вопросов. Умственный кругозор их нейдет дальше балов, театров, пикников, охот, на которые тратятся миллионы, между тем как эти миллионы могли бы сделать счастливыми сотни тысяч людей, дали бы им средства к распространению добра, истины, <п.ч.> т. к. ведь они глупы потому, что бедны (слова Писар[ева] из «Дела»¹⁷). А эти богачи и богачки, не имеющие понятия о бедности, ослепленные и [...]*, они не верят людям, не любят их дел черствым сердцем мизантропа, всё это большей частью происходит от того, что они пресыщены удовольствиями и этою праздною жизнью, от праздности является тоска, скука, которая доходит до сумасшествия, до отчаяния, в котором они лишают себя жизни. Вот вам и все счастье их!

Напр[имер] Туанетта, она потому не любила людей, не любила жизни, что <пресытилась пустот>

¹⁷ Точная цитата «мы бедны, потому что глупы, и мы глупы, потому что бедны» из статьи «Реалисты», впервые опубликованной под названием «Нерешенный вопрос» в журнале «Русское слово», 1864, № 9–11. Пока не удалось установить, почему Юшина ссылается на журнал «Дело», где Д. И. Писарев действительно сотрудничал в 1867–1868 гг., но публиковал другие тексты.

* Слово написано неразборчиво.

не жила полною настоящею жизнью, исполненною работ[ы] и добровольных лишений, труда, служащих главным счастьем в жизни.

Эдвин – хороший малый, развитой и с характером, но я удивляюсь, что и самые сильные натуры не могут устоять против страсти. За то, что Эдвин при виде Туанетты не мог владеть собою, я в этом его не виню, а вот в чем я виню его: зачем он не дал себе слова не встречаться с ней, когда он понял, что не может видеть ее и не поддаться <чарам> глухой страсти. Если он <во втор> потому встретился с ней в замке, что хочет спасти ее, то это только глупо; он не подумал, что спасая одну, он тем погубит другую, которая любит его без ума. Впрочем, ведь он не предвидел, что Туанетта любит его. Так или иначе, а он человек хороший с маленькими недостатками, т. к. самый обыкновенный тип.

Лия мне очень нравится, нравится потому, что она обладает силой воли, характером, [...] * честностью, рассудительностью и другими качествами.

«Подлиповцы» Решетникова

В этом рассказе Решетников старается уяснить, что жизнь простого народа – это трудная, невыразимо трудная борьба за существование. Крестьянин-мужик рождается в бедности, с первых лет он присматривается к этой бедности и рано чувствует нужду, недостатки, которые наносят на него свою печать. Горе, заботы и лишения как бы рождаются вместе с ними и не оставляют их до могилы. Крестьяне в своих бедных непрочных лачужках живут, большей частью, вдали от больших городов, они мало отличаются по своим понятиям от животных, законов они никак не знают, даже не знают, что кроме их деревни есть еще и города, и села, и напр[имер] мн[ого] жителей. Что испытали на собственной шкуре, то они знают и тому верят, напр[имер] станового они боятся, потому что он берет с них деньги, и сами они не знают, за что.

Эти деньги их заставляют добывать кровавым трудом; последствиями этого сбора денег бывает то, что семейства этих бедных гибнут почти целыми десятками. Вот что они испытывали на собственной шкуре, того знают и боятся. Боятся они попа и дьяка, которые уведат у них последнюю корову или лошадь.

Любовь к домашним часто и не испытывают; так и нужда подавляет даже и эти благород[ные] инстинкты, они иногда желают смерти своим родственникам.

Голод порождает в них разные пороки напр[имер] воровство, обман и пр[очее].

Ни имея излишка и понятия по части судьбы другого, они привыкли быть братьями, делиться с близкими своим имуществом, радостью и горестью. В этой их жизни гораздо больше социальной жизни,

чем в образованных кружках, где каждый живет сам для себя и если что имеет, так для себя, а не для другого.

Я больно худо это написала, и мысли мои не верны, но это от того, что ум мой не в состоянии обхватить, понять всего, что там проведено в этом рассказе. Я скажу коротко, что в этом рассказе представлена тяжелая отчаянная борьба за свое существование, показано, что жизнь крестьянина это есть одно мучительное страдание, которое начинается с самого рождения и кончается смертью. (<Нужда> заставляет их думать, что они <отдельный народ, который не имеет права думать о>) Нужда не дает им оглянуться на себя, не дает подумать о том, как и где можно улучшить свою жизнь. Они постоянно заняты делом, [...] * кроме их и другие соседи постоянно живут роскошно всем довольны на их денежки, которые забирает с них становой, заставляя на него работать до кровавого пота и [...] ** потому бывает смерти нескольких семейств. Они имеют понятие только о том, что испытали на собственной шкуре и боятся только станового, который за каждую вину попросит денег, и попа да дьяка, которые возьмут у них последнюю корову и лошадь, если они провинятся. О законе они и понятия не имеют***.

А только становой вместо им делает то да другое. Любовь их – это инстинктивная привычка, не больше, и этот благородный инстинкт подавляется часто голодом, так что они иногда желают смерти своим родным. Живут они да проклинают жизнь, и спрашивают сами себя, зачем они родились? Но всему бывает конец, также и их мукам, тяжелая работа физическая расстраивает их организм, порождает различные болезни, не выдерживая страданий, которые покончит одна спасительница от этих страданий смерть.

Так вот какова жизнь простого народа! Горе, лишения и нужда не дают им времени возможности думать об образовании, а без этого невозможно вразумить его до того, чтобы он начал действовать так, как нужно и упорно требовать своего. Таких теперь еще много, следовательно, и то, что желают пропагандисты, долго еще быть не может.

«Новый тип» Писарева

В этой статье он говорит, что у нас еще очень мало таких людей, которых не успела могла захватить в свои когти рутина, которые имеют *честь* (здесь и далее выделено автором. – Ю. С.), у которых совесть не заглушена страстью к наживе, но <если говорит> и это меньшинство, он говорит, терпит всевозможнейшие насмешки, пользуется полнейшим презрением и недоверием со стороны большинства людей второго калибра, это консерваторов и эксплуататоров. Эти досточтенные (так! – Ю. С.) люди

* Четыре слова написаны неразборчиво.

** Слово написано неразборчиво.

*** Вклейка: «Не помнит, ее или чьи мысли».

наградили их разными названиями: свистоплясками, нигилистами и пр., и пр.

Дальше он говорит о том, почему именно между ними происходит такой разлад: для этой цели он сначала показывает, чем именно отличаются они друг от друга.

1) Тем, что люди нового типа труд ставят выше всего и смотрят на него не как на средство к одному материальному богатству, а как на пищу физического и нравственного организма.

2) Тем, что (оба эти типа различно понимают эгоизм) эгоизм одних осмысленный, здравый, которых допускает даже в самой высшей степени только в том случае, когда он не приносит вреда никому, а напротив полезен; напр[имер] эгоизм Лопухова. Он, уезжая от Веры, доставляет себе удовольствие не быть стесненным, не хочет насиловать себя, чтобы поддерживать прежние отношения, а между тем его <эгоизм полезен для Веры и для Кирсанова> отъезд доставляет счастье и Вере, и Кирсанову. Между тем как эгоизм консерваторов и эксплуататоров совсем другой, они допускают его в самой высшей степени и тогда, когда ясно видят, что он может сделать несчастным целые десятки, даже сотни людей.

Наконец еще эти два типа отличаются тем, что умы их направлены в разные стороны. <Ум старого типа служит> Ум консерв[ативного] типа (если можно так выразиться) обращен <в оружие ко> в средство как-нибудь обмануть полочнее, да этим обманом поймать побольше. Напротив того, ум нового типа обращен на то, чтобы разоблачать ложь, распространить истину, чтобы найти средства сделать жизнь осмысленною.

Показав, чем отличаются они друг от друга, он говорит, что одни из этих партий защищают свои права и хотят доказать, что они справедливы, а другие держат себя в стороне и безучастно-холодно, презрительно относятся к их болтовне, а напр[имер] от этого и проходят в раздражение, начинают бранить [...] * как только могут, и вражда между ними происходит постоянно, да они никогда и не примирятся, пот[ому] что, к[а]к мы видели, они слишком далеки друг от друга в своих понятиях.

В романе «Что делать» (говорит Писарев) Чернышевский вывел <самых обыкновенных> таких личностей, какими должны быть все честные и благородные люди; идеально о [...] **, что такими личностями сделаться очень легко, стоит только поступать так как говорит голос совести, вникнуть хорошенько, разобрать во всех подробностях наши поступки, не отказываться, не бегать от дела – и только***.

И для того, говорит Писарев, чтобы кто не подумал, что эти личности суть самый высший идеал хорошего человека, Чернышевский и показал только один угол того идеала в лице Рахметова.

*** Вклейка: «Выписка или рассуждение не помнит».

Рахметова, Писарев, конечно, хвалит вообще, новчастностизанекоторые вещи и бранит, напр[имер], зачем, говорит он не ест всех блюд в гостях? Если для того, чтобы самому испытать, отчасти что, лишения, которые ныне испытывает простой народ, так это глупо, потому что, зная и не зная на себе, он все равно будет любить их и всегда будет одинаково стараться для них и делать, что только может. Значит, на себе испытывать нет никакой нужды.

Похождения семинариста Хлопова

Этот г-н Старостин весьма хорошо, кажется, знает быт деревенских священников, очень верно обрисовывает <их> общую черту сельского священника, это их необыкновенную <осмотрит> скупость, ханжество и невежество. Цель его кажется была показать, как трудно было сделать вполне хорошим человеком при тогдашнем состоянии семинарского образования*.

Какая цель у него была написать это?

Цель его, кажется, познакомить нас с тем, как большая часть семинаристов в то время относилась к наукам, как они на нее смотрели, выяснив из причин, почему именно они смотрели на нее так, а не иначе.

Кроме того, познакомить нас с сельским духовенством.

Подражая Гоголю в изображении типа скупца, он, мне кажется, немного отступает от Гоголя, его тип более знаком каждому, он у него несколько мягче будет гоголевского. Ведь Плюшкин даже своим детям не давал ни одной копейки, этот старостинский от[ец] Карп все-таки заботился о дочерях, как бы их устроить, хотя при этом имел в виду отделаться от жениха как можно меньшею долею денежного имущества.

Тип Хлопова – конечно, он выведен с целью представить человека распущенного, но Хлопов будет деятель не такой, как Хлестаков. Потому что причины и обстоятельства, сделавшие Хлопова таким, а никаким другим, более существенны и уважительны, чем причины Хлестакова. Главная причина, заставившая Хлестакова быть таким — это *нужда*, это все она злодейка (да правда ли?)

Он действительно не [...]*, не полезен, а скорее вреден, только больше виновата в этом среда его жизни, нежели он сам.

* В середине страницы поперек текста рукой Юшиной: «Вовсе не это».